

DOI 10.21672/1818-510X-2020-62-1-123-127

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАНСГРЕССИИ НА ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ¹

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Каширская Ольга Петровна, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: stranger2033@yandex.ru

Осуществлена попытка анализа взаимосвязи религиозной трансгрессии и современной модели семьи как социального института. Выявлены существенные детерминанты, определяющие влияние практической социокультурной деятельности Русской православной церкви, направленные на формирование в общественном сознании российского народа православной семейной модели. Разработана описательно-объяснительная характеристика современного состояния семейно-брачной сферы и перспектив ее развития в контексте агрессивной экспансии англосаксонской локальной цивилизации в социокультурное пространство Российской Федерации.

Ключевые слова: трансгрессия, православная модель семьи, социокультурная экспансия, социально-этическая дезинтеграция, атомизация общественного сознания.

THE INFLUENCE OF RELIGIOUS TRANSGRESSION ON THE PROCESSES OF SOCIAL TRANSFORMATION OF THE MODERN RUSSIAN FAMILY

Topchiev Mikhail S., Ph. D. (Policy)
Astrakhan State University
20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Kashirskaya Olga P., undergraduate
Astrakhan State University
20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: stranger2033@yandex.ru

This paper attempts to analyze the relationship between religious transgression and the modern model of the family as a social institution. The essential determinants determining the influence of practical socio-cultural activities of the Russian Orthodox Church aimed at the formation of the Orthodox family model in the public consciousness of the Russian people are revealed. A descriptive and explanatory characteristic of the current state of the family and marriage sphere and its development prospects in the context of the aggressive expansion of Anglo-Saxon local civilization in the socio-cultural space of the Russian Federation is developed.

Keywords: transgression, Orthodox family model, socio-cultural expansion, social and ethical disintegration, atomization of social consciousness.

Современный мир пронизан трансгрессивными процессами. Трансгрессии как «выходу за пределы», подвержены все социальные институты, в том числе и институт семьи, и институт религии. Крупнейший специалист по религиозной трансгрессии Ж. Батай считал, что несмотря на то, что «Христианство создало сакральный мир, исключив из него все ужасные и нечистые стороны» [18, с. 254], даже идеальный и совершенный христианский институт подвергается этической трансформации, соприкасаясь с мирскими нормами. Действительно, социально-этическое учение христианства гуманное и позитивное, в реальности абстрактно и идеально [2, с. 3], а потому не в силах сопротивляться социальной действительности. В свою очередь, испытывая влияние социума, трансгрессия религиозных институтов не может не оказывать влияния на трансформацию такого важнейшего социального института как семья,

---

¹ Статья выполнена по гранту президента для молодых ученых кандидатов наук. Проект МК-6079.2018.6 «Влияние религиозной трансгрессии на модель института семьи прикаспийского фронта» (This article was prepared under a grant from the president for young scientists who have a Ph.D. Project MK-6079.2018.6 "The Effect of Religious Transgression on the Model of the Institute of the Caspian Frontier Family").

который всегда находился под влиянием религиозных норм. В силу этого, отношения полов, как один из определяющих способов социального взаимодействия, не может быть по определению исключен из социального дезинтеграционного процесса. Способы регламентации, а тем более регулирования семейно-брачного взаимодействия в различных конфессиях, несколько разнятся, но в целом можно констатировать, что в католической церкви они позиционируются как более содержательные и интенсивные, чем в православной. Однако, в целом необходимо отметить, что социокультурный инструментарий церкви, как безусловного морального авторитета общества, не соответствует в полной мере современному состоянию семейно-брачной сферы.

С. Н. Зенкин, излагая точку зрения Ж. Батая на трансгрессию, указывает, что в русле традиционного постмодернизма данный социально-психологический феномен рассматривается не как одно из свойств человеческих сущностных сил, а всего лишь как выход человека за собственные «пределы», обусловленный резким секулярным всплеском современного этапа исторического процесса. Таким образом, только «смерть Бога» определяет выход современного человека из традиции. Можно добавить, что обезбоживание общественного сознания уже превратилась в одну из определяющих детерминант современной социокультурной динамики. [4, с. 5].

В. Т. Фаритов одну из задач своего труда «Трансценденция и трансгрессия как перспектива дискурса» видит в онтологической экспликации данной парной оппозиции. Объяснительная характеристика взаимосвязи данных постмодернистских эпифеноменов, формируется из следующих смысловых конструктов: бытийная беспредметность трансценденции, как метафизической система – К. Ясперс; трансценденция как язык – И. Кант, Ж. Деррида. В целом синтез данных понятий интерпретируется через условные означаемый «центр» и «периферия»: «Центр значим сам по себе, воплощает принцип всеобщности, самоотжественности и самодостаточности. Периферия получает свой смысл-бытие исключительно от центра, ее существование состоит только в подчинении, служении, ... центра» [17, с. 467].

О не разработанности понятия «трансгрессия» убедительно свидетельствует его очевидная теоретическая скудость. М. Бланшо полагает, что, в стремлении к совершенству, человек просто обязан выходить за собственные ограничительные рамки. В то же время следует отметить, что сформировавшиеся ранее, до светливой эпохи постмодерна, социокультурные традиции, основывались на глубинных духовно-нравственных константах общественного сознания. Чем чреватые так называемые выходы за пределы консервативных моральных табу, наглядно демонстрирует современное российское и мировое информационное пространство. Это стремительная секуляризация, и беззащитное поправление ранее стабильных и устойчивых социально-этических норм и правил, успешно регламентировавших многие тысячелетия социальную динамику больших и малых человеческих общностей. Это однополые браки, гендерное экспериментирование с переменной полов, диверсификация ценностей традиционной патриархальной семьи и многие иные социокультурные девиации. Именно так было с распадом Римской империи, основной причиной которого стал повсеместный моральный кризис. Аналогичные процессы запущены в Западной Европе – геополитическое и жизненное пространство постепенно будет насыщаться представителями иных цивилизаций с более стабильными духовно-нравственными переменными [3].

Если внимательно присмотреться к информационным потокам, циркулирующим в современном мировом социокультурном пространстве, то легко можно убедиться в том, что оно реализует с избыточной полнотой следующую смысловую установку: «Доступ к подлинному бытию открывается в актах трансгрессии, нарушения установленных границ дозволенного и допустимого, принимающих формы определенных социальных и индивидуальных практик, в которых актуализируется опыт смерти и, одновременно, реализуется личная свобода человека от заданных условий» [8, с. 17]. Фильмы ужасов, реки крови, льющиеся в детективных комедиях и прочий мортирологический компендиум артефактов массовой культуры, целиком и полностью вытеснил традиционные патриархальные модели социального поведения как индивидуальных, так и коллективных субъектов социальной динамики. В США получили определенное распространение альтернативные традиционному браку формы, так называемых, брачных союзов – гостевой, сезонный, открытый, удаленный, шведская коммуна, виртуальное многоженство (многомужество), последовательная полигамия. Человек Запада, вышедший за социально-этические «пределы», объективно попал не в социальное и субъективное совершенство, а оказался в «гнилом болоте разврата», убийств и многих иных нелицеприятных процессов и явлений, свидетельствующих о всеобщем духовно-нравственном упадке локальной цивилизации Запада.

Социальная трансформация современной семьи вызывает озабоченность у современных отечественных исследователей [16, с. 12]. В частности, Ю. П. Лежнина убеждена в том, что это последствия кризисной трансформации во многом стихийных преобразований социального устройства России: «Происходящие в этой области изменения были во многом обусловлены характерными для социальной и социокультурной модернизации процессами: нарастанием значимости автономности личности, повышением степени рациональности её мышления, плюрализацией жизненных траекторий и стилей жизни, увеличением значимости в этих условиях возможностей самовыражения человека» [9, с. 79]. Социологи приходят к следующему выводу относительно будущего современной российской семьи: ценность счастливой семьи продолжает оставаться высокой в общественном сознании россиян, поскольку самоидентификация более чем 60 % наших соотечественников связана в первую очередь с семьей: «дети, как и семья, – часть жизненного проекта россиян» [16, с. 89].

Возможно, следствием традиционной религиозности является то, что около половины жителей России ориентированы на патерналистский тип семьи, примерно столько же отдают предпочтение консенсусной модели семейного коллектива. Ценность брака высока в сознании россиян. Скорее всего, именно поэтому нуклеарные детоцентристские модели являются преобладающим типом современной семьи. Тревожное состояние семейно-брачных отношений рождает споры относительно типологии российской семьи. Большая часть исследователей единодушны только относительно стремительных изменений семейно-брачной сферы, различия в подходах заключаются только в интерпретации понятийно-терминологического аппарата. Спор идет о том, следствие ли это эволюционной трансформации или страшного кризиса. Мы полагаем, что это кризисная трансформация с преимущественным упором на первую часть данного определения. В связи с этим представители различных отраслей социогуманитарного знания – философы, политологи, демографы, этнологи-социологи – согласны с тем, что в настоящее время не представляется возможным сформировать тезаурус научно обоснованных нормативных моделей счастливой семьи: «Проблемы семьи перестали быть внутрисемейными и приобрели характер социально-экономического, психологического, демографического, духовно-нравственного неблагополучия в масштабах государства и общества [13, с. 9].

Русская православная церковь видит основную причину плачевного состояния семейно-брачной сферы Российской Федерации в десакрализации общественного сознания, а по сути – в секуляризации. В то же время абстрактные призывы РПЦ к необходимости возрождения традиционных ценностей православия являются недостаточными для того, чтобы переломить негативные тенденции, сформировавшиеся за последние десятилетия реформ в направлении развитого капитализма: «Сегодня остро ощущается необходимость переосмысления, возможного поиска и реализации новых стратегий, которые бы с одной стороны отвечали потребностям и духу современного общества, с другой – обратились к духовно-нравственным, историко-национальным и историко-культурным ценностям и традициям семейного уклада жизни российского народа» [13, с. 12].

В данной связи следует отметить, что принятие Архиерейским собором «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000) и Всемирным Русским Народным собором «Декларации о правах и достоинстве человека» (2006) существенным образом не переломили неблагополучие в семейно-брачных отношениях в России. Осуществляемая РПЦ реконструкция религиозных отношений, пока не оказывает определяющего воздействия, как на направленность и характер семейно-брачных отношений, так и в целом на социально-этический уровень общественного сознания россиян. Парадоксальность сформировавшегося состояния обусловлена еще и тем, что за пореформенные десятилетия, по данным социологических исследований, уровень религиозности населения возрос до 80 %. Количественный ракурс проблемы состоит в отличии демонстративных верующих и истинно воцерковленных, которых в настоящее время всего 29 % [10].

Проблема, как считает Н. П. Скуратовская, заключается не в количественных переменных, а в реальном социальном поведении и тех и других, а конкретно – в соблюдении императивов декалога [14]. Традиционные патриархальные модели семейного взаимодействия не выдерживает социально-экономического пресса и дезинтеграционных моральных девиаций. Необходимо признать, что в данной сфере неразрывный союз государственной семейной политики и усилий РПЦ не сформировался. Нет необходимости в излишней аргументации данных утверждений, поскольку они очевидны и общеизвестны.

М. П. Мчедлов полагал, что политика государства в социально-этической сфере и, прежде всего, в семейно-брачных отношениях во многом совпадает со стереотипными духовно-нравственными установками слабо воцерковленных и неверующих граждан России [11]. Таким образом, можно заключить, что в связи со спорадическими изменениями в социально-экономическом устройстве страны и дезинтеграции духовно-нравственного пространства, менталитет россиян претерпел негативную трансформацию, которая закономерно отразилась на сфере семейно-брачных отношений. Церковь как основополагающий духовно-нравственный авторитет, продолжает сохранять лидирующие позиции в самоидентификации россиян. Однако, как один из важнейших социально-этических институтов общества, РПЦ не оказывает существенного влияния на направленность и характер социального поведения граждан в семейно-брачной сфере. Именно несбалансированная и преимущественно прагматично ориентированная политика (как пример: материнский капитал), а также отсутствие единства в осуществлении воспитательных воздействий государства, общества и церкви продолжает оказывать негативное воздействие на трансформацию исконно православной патриархально-традиционной модели семьи в России. Велика вероятность, что именно деградация традиционных устоев семейно-брачного взаимодействия является тому убедительным доказательством.

На просторах России вступают в семейно-брачные отношения верующие люди практически всех мировых религий. Их позитивные социально-этические установки относительно межполовых отношений практически идентичны. Данным обстоятельством обусловлено введение в программу школы курса «Основы религиозных культур и светской этики», включающие модуль «Основы православной культуры». Полагаем эти новшества вполне оправданными, но несколько запоздалыми и недостаточными для того, чтобы переломить дезинтеграционные тенденции в семейно-брачной сфере и восстановить духовно-нравственную преемственность поколений России [6].

Излишнее влияние, особенно посредством СМИ, нетрадиционных для России индивидуалистических ценностей под маркой построения развитого конкурентно-способного капитализма может привести в обозримом будущем к аннигиляции традиционного коллективистского менталитета многоконфессиональной человеческой общности Российской Федерации.

Список литературы

1. Афасижев, Т. И. Семейно-брачные отношения в современном социокультурном пространстве России / Т. И. Афасижев, С. И. Хрупин. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/semejno-brachnye-otnosheniya-v-sovremennom-sotsiokulturnom-prostranstve-rossii-regionalnyy-aspekt>.
2. Батай, Ж. Сумма атеологии: Философия и мистика : пер. с фр. / Ж. Батай ; сост. С. Н. Зенкин. – Москва : Ладомир, 2016. – 566 с.
3. Батай, Ж. Эротика // Ж. Батай ; пер. с фр. Е. Гальцовой // Сакральная социология. – Москва : Ладомир, 2006.
4. Батай, Ж. Проклятая часть : авторский сб.: «Теория религии», «Проклятая часть: Опыт общей экономики», «Границы полезного: Отрывки из неоконченного варианта «Проклятой части», «Суверенность», «Эротика» / Ж. Батай ; сост., предисл. С. Зенкин, комм. Е. Гальцовой. – Москва : Ладомир, 2006. – 742 с.
5. Воробьев, В. Православное учение о браке / В. Воробьев. – URL: <http://blagosobor.ru/node/3883>.
6. Зайцева, А. А. Семейные ценности в религиозной культуре России / А. А. Зайцева. – URL: <https://infourok.ru/semeynie-cennosti-v-religioznoy-kulture-rossii-2353745.html>.
7. Зенкин, С. Н. Послесловие к трансгрессии. Теория и художественная практика / С. Н. Зенкин. – Москва, 2014. – 538 с.
8. Каштанова, С. М. Трансгрессия как социально-философское понятие / С. М. Каштанова. – Санкт-Петербург, 2016. – 146 с.
9. Лежнина, Ю. П. Институт семьи в России: на пути трансформации / Ю. П. Лежнина // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – № 2. – С. 70–90.
10. Локосов, В. В. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян / В. В. Локосов, Ю. Ю. Синелина. – URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Lokosov.pdf>.
11. Мчедлов, М. П. Религиоведческие очерки / М. П. Мчедлов. – Москва : Научная книга, 2005.
12. Орлова, Н. Семья как объект социально-философского исследования / Н. Орлова. – Санкт-Петербург, 2000.
13. Рудницкая, Т. Ю. Проблемы семьи в светском и религиозном концептах / Т. Ю. Рудницкая. – Пермь, 2010. – 18 с.
14. Скуратовская, Н. П. Дисфункциональная семья и дисфункциональная церковь. – URL: <http://adventism.pro/church/disfunktsionalnaya-semya-i-disfunktsionalnaya-tserkov>.

15. Смолик, С. В. Методологический потенциал образа христианской семьи в изучении современных моделей семейно-брачных отношений / С. В. Смолик // Славянская письменность и культура: изучение, сохранение, приумножение. – Хабаровск, 2012.
16. Социология семьи. – URL: http://sociology-blog.ru/sociologiya_semji.
17. Фаритов, В. Т. Трансценденция и трансгрессия как перспективы дискурса / В. Т. Фаритов // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11 (ч. 2) – С. 465–469.
18. Шутов, А. Ю. Говорить о том, чего нет: тематизация «отсутствия Бога» во «внутреннем опыте» Батая / А. Ю. Шутов // Онтология негативности. – Москва, 2015. – С. 244–254.

References

1. Afasizhev, T. I., Khrupin, S. I. *Semeyno-brachnye otnosheniya v sovremennom sotsiokulturnom prostranstve Rossii* [Semeyno-brachnye otnosheniya v sovremennom sotsiokulturnom prostranstve Rossii]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/semeyno-brachnye-otnosheniya-v-sovremennom-sotsiokulturnom-prostranstve-rossii-regionalnyy-aspekt>.
2. Batay, Zh. *Summa ateologii: Filosofiya i mistika* [The Sum of Atheology: Philosophy and Mysticism]. Moscow, Ladomir Publ., 2016, 566 p.
3. Batay, Zh. *Erotika* [Erotic]. *Sakralnaya sotsiologiya* [Sacred sociology]. Moscow, Ladomir Publ., 2006.
4. Batay, Zh. *Proklyataya chast: avtorskiy sbornik: "Teoriya religii", "Proklyataya chast: Opyt obshchey ekonomiki", "Granitsy poleznogo: Otryvki iz neokonchennogo varianta "Proklyatoy chasti", "Suverennost", "Erotika"* [The cursed part: the author's collection: "Theory of Religion", "The cursed part: The experience of the general economy", "The boundaries of the useful: Excerpts from the unfinished version of the "Cursed part", "Sovereignty", "Eroticism"]. Moscow, Ladomir Publ., 2006, 742 p.
5. Vorobev, V. *Pravoslavnoe uchenie o brake* [Orthodox doctrine of marriage]. Available at: <http://blagosobor.ru/node/3883>.
6. Zaytseva, A. A. *Semeynye tsennosti v religioznoy kulture Rossii* [Family Values in the Religious Culture of Russia]. Available at: <https://infourok.ru/semeynye-tsennosti-v-religioznoy-kulture-rossii-2353745.html>.
7. Zenkin, S. N. *Posleslovie k transgressii. Teoriya i khudozhestvennaya praktika* [Afterword to transgression. Theory and Art Practice]. Moscow, 2014, 538 p.
8. Kashtanova, S. M. *Transgressiya kak sotsialno-filosofskoe ponyatie* [Transgression as a socio-philosophical concept]. St. Petersburg, 2016, 146 p.
9. Lezhnina, Yu. P., Institut semi v Rossii: na puti transformatsii [The Institute of the Family in Russia: On the Way to Transformation]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological science and social practice], 2016, no. 2, pp. 70–90.
10. Lokosov, V. V., Sinelina, Yu. Yu. *Vzaimosvyaz religioznykh i politicheskikh orientatsiy pravoslavnykh rossiyan* [The relationship of religious and political orientations of Orthodox Russians]. Available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Lokosov.pdf>
11. Mchedlov, M. P. *Religiovedcheskie ocherki* [Religious Studies]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ., 2005.
12. Orlova, N. *Semya kak obekt sotsialno-filosofskogo issledovaniya* [The family as an object of socio-philosophical research]. St. Petersburg, 2000.
13. Rudniczkaya, T. Yu. *Problemy semi v svetskom i religioznom kontseptakh* [Family problems in secular and religious concepts]. Perm, 2010, 18 p.
14. Skuratovskaya, N. P. *Disfunktsionalnaya semya i disfuksionalnaya tserkov* [A dysfunctional family and a dysfunctional church]. Available at: <http://adventism.pro/church/disfunktsionalnaya-semya-i-disfunktsionalnaya-tserkov/>.
15. Smolik, S. V. *Metodologicheskiy potentsial obraza khristianskoy semi v izuchenii sovremennykh modeley semeyno-brachnykh otnosheniy* [The methodological potential of the image of the Christian family in the study of modern models of family-marriage relations]. *Slavyanskaya pismennost i kultura: izuchenie, sokhranenie, priumnozhenie* [Slavic writing and culture: study, preservation, augmentation]. Khabarovsk, 2012.
16. *Sotsiologiya semi* [Sociology of the family]. Available at: http://sociology-blog.ru/sociologiya_semji.
17. Faritov, V. T. *Transtsendentsiya i transgressiya kak perspektivy diskursa* [Transcendence and transgression as perspectives of discourse]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Basic research], 2014, no. 11 (part 2), pp. 465–469.
18. Shutov, A. Yu. *Govorit o tom, chego net: tematizatsiya "otsutstviya Boga" vo "vnutrennem opyte"* Bataya [He talks about what is not: the thematization of the "absence of God" in the "inner experience"]. *Ontologiya negativnosti* [Ontology of negativity]. Moscow, 2015, pp. 244–254.